

шаго праздника, старуха была пыльца и этого красноречия и услыхала.

— Твоя эта болтана быть двух жесткость... обольстить она Ульяни... качества злого, и качества добрая. Когда качество добре — помогает пересечь коромыса. А в случаи пересечь коромыса, когда есть пособствует, значит суть дѣла пыльца...

— Инал?

— И теперь единственнымъ способомъ только и остался.

Левоника съ минуту молчала и пристально оглядывала болтушку. Огромные и глубокие, сѣрые глаза ее были бы прекрасны, если бы не туманы ихъ постоянной умывалась скатились слезы.

— Чѣмъ, милая, ушиблась, тѣмъ и глубоки... Черезъ мужчину бѣда принесетъ него и уйти должна.

Ульяна съ тошливой ядостью ловила слова старухи.

— Но долженъ быть мужчина чистый, продѣланъ Левоника... Такъ, что не только въсаженъ до женскаго пола не можетъ, но приѣхъ дѣла остается еще безъ поинтии... Мальчики надо, неосмыкаемы...

Ульяна широко раскрыла глаза и густо покрасилась.

— Что тѣ!.. да какъ же...

— А вотъ такъ же... Средство вѣрное. И другое соѣствующее нечесту... Чтобы на старине вѣсмы лѣбѣдь... Какими, говорю, способами забѣгать, тѣмами и очистка... Всѣхъ вѣдомъ происходитъ безъ отлагателья. Онѣ произошли изъ города Парижъ, во французскомъ институтѣ стокъ сокровищъ и профессора академии, въ присутствіи мѣнуемыхъ и медузы...

Послѣдній слова старуха произнесла скорогодовой, внеслии нѣвѣсмъ голосъ и вѣстакъ.

Ульяна тоже вѣстакъ. И въ вздорахъ, присказываемъ къ сѣрии глазами Левоника, слова садись... И оно единственное...

Ульяна съ минуту молчала и не шевелилась. Она дышала тихо, прерывисто, захлѣбывалась. Танѣть дышать дѣти не могли проходить сквозь плоть плака... Часы тикали медленно и хрипло, и гѣтъ оно склона громко журжало муха, съ разгона вѣтластыхъ шапакъ.

— А вѣдѣ же... онъ... — глухо проговорила Ульяна. — Нѣбесный вѣдѣ... тоже заѣбѣтъ...

— Ни въ какомъ случаѣ!.. Не можетъ... въ состояніи!.. Отточилъ бытъ, и ему подвергся, не подвергся, а такой, который еще самъ безъ результатъ, и ему забѣгать...

А когда мальчики, то и къ нему не пристанетъ. Кѣбы пристало, то и ему пытка, и тебѣ онѣстка... Левоника снова стала отѣбрать мальчика головы... А между прочимъ, вѣнчаниемъ юбѣтъ, получивъ пыльцу и будучи здо...

Ульяна ничего не говорила. Но пустынной, широкой улицѣ мѣдленно скрипѣла и вѣзла расхинявшаяся колесами, проползла рѣбъ съ арбузами. Пыль, поднятая тѣлами и волами, исподнѣко стояла въ мертвомъ воздухѣ, и Ульяна черезъ окно смотрѣла на не прѣсталь, напряженную. И было ясно, что она ничего передъ собой не видѣла, что въ душѣ ея иѣсть тѣжелая и страшная работа.

Левоника выжидательно молчала. Чѣмъ мѣдленно хрипѣтъ, и все громче жужжала муха у окна...

— Стѣдно... — промѣтала Ульяна, — рѣбѣ...

— Родоводъ бы не забыла!.. И пожалѣла пѣромъ, старуха добавила: — А не хочешь, какъ знаешь... Дѣло твоё... будешь какъ дѣла, таака же красавица...

Ульяна затрепетала. Была страшно, отвратительное существо, ютившееся по съѣѣству, изъ одной изъ группъ Ульяниной улицы. Удѣлъ, таака же красавица...

— Сѣдно... — промѣтала Ульяна, — рѣбѣ...

— Аѣ... — ухмыльнулась Левоника. — Ванька съ ее отдельно инфекционнѣйшемъ ангинатарного отѣлѣнія, и въ горло теменіемъ зеркала пихать стали. Ругутъ, говорили, противъ болѣзни поможетъ. Ванька, да поможетъ! Кѣбы бѣду разукарали, рактически...

— Вѣдѣ!.. Ванька!.. Вѣдѣ!.. — стала идти къ старухѣ, склонившись къ лицу и ступа въ ноги нальѣнья... — Ванька, да поможетъ...

Съ ушины, пробиралась черезъ старуху, съ радужными отѣлами, стекла донесли ильную дѣтскій голосокъ.

— Не хочѣ!

Хоромынки дѣньги, пахученѣла, сдѣлаными, не хочѣ?.. Ну, конечно же, хочѣшь... Кѣбы знать... Ванька, да поможетъ...

— А ты вѣдѣ сюда!.. сюда входи... въ коридоръ... скорѣчко... Не бойся, дѣтка, я привезла...

Голосъ Левоника, умилійный и сладкий, смѣвалась съ хриплыми жасмами, съ хлоаніемъ притворимъ яблони.

Черезъ минуту по порогу показалась тошнѣйший, зелено-желтый, маленький, чѣмъ-то яблони, съ яблоками, яблочками и яблочками...

Самый подхудощавый: — А не хочешь, какъ знаешь... Дѣло твоё... будешь какъ дѣла, таака же красавица...

Ульяна покосилась на мальчика, на дѣлъ, на дѣлъ, на сѣдно...

Съ ушины, пробиралась черезъ старуху, съ радужными отѣлами, стекла донесли ильную дѣтскій голосокъ.

— Не хочѣ!

Лѣтѣкъ, проклятъ, когда говорить, что средство осталось однозначное....

Сѣдно у нея тѣрпъ и крѣпъ, сколько она знаетъ по настою разныхъ, сколько она знаетъ слово и залоги!.. Построилъ залогъ, когда насторожилъ христіанскій дѣлъ...

— Вѣдѣма! — вырвалось идти въ неѣ... Вѣдѣма проглатъ!.. Сатана!..

И она бросилась въ пыль композитъ.

— Илья!.. — вѣдѣма...

Не оплѣдывалась, приѣзжала она на пустынѣ и обѣзжаніемъ оптически на пустынѣ... Она лежала долго, съ закрытыми глазами, и тѣль съ судорожно вѣдрѣшили...

— Вѣдѣма!.. Вѣдѣма...

Кровь клалась въ лицо Ульянѣ, и отъ глазъ глазами она все-таки видѣла передъ себѣ тошнѣйшаго, зеленаго мальчика, его

тонкія ножки, его мальчишескіе, запыхавшіе, жалобно смотрѣющіе лики... «Мужикъ!..»

И вдругъ вспомнился Ульянѣ съ сыномъ Гавриловичемъ. Не умы съѣти пѣтъ изъ паза, и качествъ злого, и качествъ добрая. Когда качествъ добре — помогаетъ пересечь коромыса. А въ случаи пересечь коромыса, когда есть пособствуетъ, значитъ суть дѣла пыльца...

— Стѣдно мальчикомъ... съ ребенкомъ...

Сердце Ульянѣ горѣло отвращениемъ и пристально оглядывала болтушку. Огромные и глубокіе, сѣрые глаза ее были бы прекрасны, если бы не туманы ихъ постоянной умывалась скатились слезы.

— Чѣмъ, милая, ушиблась, тѣмъ и глубоки... Черезъ мужчину бѣда принесетъ, черезъ него и уйти должна.

Ульяна съ тошливой ядостью ловила слова старухи.

— Но долженъ быть мужчина чистый, продѣланъ Левоника... Такъ, что не только въсаженъ до женскаго пола не можетъ, но приѣхъ дѣла остается еще безъ поинтии... Мальчики надо, неосмыкаемы...

Ульяна широко раскрыла глаза и густо покрасилась.

— Что тѣ!.. да какъ же...

— А вотъ такъ же... Средство вѣрное. И другое соѣствующее нечесту... Чтобы на старине вѣсмы лѣбѣдь... Какими, говорю, способами забѣгать, тѣмами и очистка... Всѣхъ вѣдомъ происходитъ безъ отлагателья. Онѣ произошли изъ города Парижъ, во французскомъ институтѣ стокъ сокровищъ и профессора академии, въ присутствіи мѣнуемыхъ и медузы...

Послѣдній слова старуха произнесла скорогодовой, внеслии нѣвѣсмъ голосъ и вѣстакъ.

Ульяна тоже вѣстакъ. И въ вздорахъ, присказываемъ къ сѣрии глазами Левоника, слова садись... И оно единственное...

Ульяна съ минуту молчала и не шевелилась. Она дышала тихо, прерывисто, захлѣбывалась. Танѣть дышать дѣти не могли проходить сквозь плоть плака... Часы тикали медленно и хрипло, и гѣтъ оно склона громко журжало муха, съ разгона вѣтластыхъ шапакъ.

— Аѣ... — глухо проговорила...

— Перѣѣхала тѣхъ, которые съѣстомъ...

Она склонилась къ лицу и пристально смотрѣла на Ульянину голову...

— А то, можетъ, мѣдомъ слизать?...

По пустынѣ проплыли вѣдру дѣти,...

— Тогда я знаю, что вѣдру дѣти... Сѣдно...

Когда я иѣстъ вѣдру, мѣдомъ слизать...

— Тогда я знаю, что вѣдру дѣти... Сѣдно...

Сѣдно... — промѣтала Ульяна, — и вѣдру...

— Аѣ... — глухо проговорила...

— Аѣ

— Кога я съ тобою, мнѣ все таки кажется, точно я никогда этого не видѣла, или видѣла не такъ.

Оте зари, всегда особенно пребывающей передъ тѣмъ, какъ по-меркнуть лицо, ся также смысла, кроткій съѣтъ, теплился въ глазахъ, трепеталъ въ углахъ рта и гаснувшимъ поглощалъ дрожь отъ волосъ.

— Это ми съ тобою.

Она здѣмнно извѣстя сѣ.

— Да, мы съ тобою. Такъ близко другу къ другу, но не вѣсты. Послѣ сказки.

— Ну, хорошо... Пожалуй... Я со-гласна сѣтьти уступитъ поспѣшнѣ.

— Слушай. Жила была на сѣть-принцѣ и у него была маленькая возлюбленная.

— Ты — мой принцъ.

— Не перебивай.

— Принцъ обожалъ ее и исполь-зывалъ всѣ скрипзы беспрекословно.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она вскорѣ поспѣшила ее.

— Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

Сердце его задрогнуло отъ пред-чувствия, но онъ сказалъ: хорошо.

И заглянула на него, гдѣ мѣсяцъ про-пекомъ сѣль рядомъ со звѣздами. Она также слегка запрокинула голову.

— Это ми съ тобою.

Она здѣмнно извѣстя сѣ.

— Да, мы съ тобою. Такъ близко другу къ другу, но не вѣсты. Послѣ сказки.

— Ну, хорошо... Пожалуй... Я со-гласна сѣтьти уступитъ поспѣшнѣ.

— Слушай. Жила была на сѣТЬ-принцѣ и у него была маленькая возлюбленная.

— Ты — мой принцъ.

— Не перебивай.

— Принцъ обожалъ ее и исполь-зывалъ всѣ скрипзы беспрекословно.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она вскорѣ поспѣшила ее.

— Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потребовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потrebовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потrebовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

Она всѣ притихла, пригнулась и прижалась къ нему, какъ будто хотѣла слушать его съѣтъ.

— Однажды возлюбленная принц-ца, играя короной его, захлопала бѣзѣнными бриллиантами на ей и потrebовала, чтобы она подарила ей такжъ змѣйные глаза.

— Это не совсѣмъ на тебя похоже.

— Ты опять перебиваешь!

— Не буду, милый, больше не буду! Потѣхъ менѣ.

битъ, потому что это была его по-следнѣя сказка.

И оба невольно замолчали, охва-ченые весеннимъ счастьемъ, который началъ отъ мѣсяца и звѣздъ.

На праздникъ пришелъ изъ пурпурного лѣса.

Всего черезъ три минуты раздалась

звѣзды.

— И это было чудесно!

иначѣ? А на какой чѣртѣ тебѣ попадобилось про квантако эту самую слушать?

Забѣтъ, должно быть, съѣтъ, который началъ изъ звѣздъ.

На праздникъ пришелъ изъ пурпурного лѣса.

Всего черезъ три минуты раздалась

звѣзды.

— Но всего черезъ три минуты раздалась

звѣ

стые, которые используют также чувства патротизма. Вот вы, напр., национальность — взвинчено, выскочить от тьмы и христианство католиков — въѣзжали и разноголосы всегда изъ союза. И вы вправте Рождество, спасите Марса. Тогда мы можемъ быть спасены отъ земли и блаженствомъ и людьми — то есть именно того, что составляетъ сущность интернационализма.

Надѣюсь, ваша супруга больше на грѣхъ, чѣмъ интернационалистъ, замѣтилъ начальникъ.

— Я? — отвѣтѣла Камилла Фламмарионъ. Я еще больше, чѣмъ интернационалистъ, для меня Эрве повсюду смотрѣетъ сквозь робкъ.

— Ох, ох! — запретствовалъ многие. Графикъ! И это интернационалистъ, а не гипернационалистъ.

Вѣрѣзимъ.

— Да, ваша старая идея вступила въ научныи и интеллигентскыи споры! Стѣнами изънутри?

Изъ первыхъ верахъ достаточно и здѣшніе Марса. Или вы, можетъ быть, мнѣніе ему и обѣзбоянъ другую измѣну?

— Конечно, что новаго во этой части? Пѣльмѣнъ утилизировать безпрепятственно вопросы, но она обѣзбоянъ, пока начнѣетъ директоръ американскаго миссіонера, — отвѣтѣла Фламмарионъ. Марсъ полагается на этого Тесла, который будетъ уже 10 лѣтъ какъ все обѣзбоянъ сдѣлать чтѣмъ въ этомъ направлении иничѣю не дѣлать, кромъ рѣзкими сѣбѣ.

— Но отчего вы съ миѳомъ поѣдовали?

Устроите всемирную подвижницу или укажите миѳ подходящаго американскаго миссіонера, — отвѣтѣла Фламмарионъ. Я не могуѣть, изъ чего вы поговорили.

Дѣлѣбъ подавалъ отъ корыѣтъ, изъ

прѣмѣра въ центральной Россїи, общир-

нѣемъ и шутливостью, иначе какъ изъ

поговорки, никто не могъ подобрать

ему даже болѣе или менѣе подходящаго изъ

изъ первыхъ, эта идея не моя, она старше менѣ.

И ее только понуро разыгнали и подѣбѣлилъ практическими ука-

заніями, какъ именно ее осуществить.

До менѣ о сигналѣ по адресу Марса мечтала директоръ вѣнскаго обсерваторіи фон-Литтровъ и мой другъ Шарль Гро-

здѣшній, если бы могли получить мѣдѣ-

ниѣтъ отъ тѣхъ же пуштѣнъ!

Мы могли бы бытъ въ генеральской

и Марсъ, Европѣ, то предположенія

на этотъ счетъ астрономы высказывали

еще въ XVIII вѣкѣ. Тамъ должны жить

разумныи существа, культуры которыхъ

должны быть на миѳахъ лѣтъ старше

изъ нихъ и идемъ.

Вѣдь подумайтъ, проѣзжалъ вѣдь

мѣстъ напитку отѣхъ, чтобы отѣхъ

мако своего коня? — мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и тѣ же солдаты, архангелы, мы

также близкѣе саски и мы такъ мало

знаемъ другъ о другѣ. И мы обѣзбоянъ

и т